

Для всей этой массы контрреволюционеров жирондисты служили соединительным звеном. Роялисты поумнее прекрасно поняли, что, несмотря на свой поверхностный республиканизм, жирондисты будут их союзниками; что к этому вела их *логика их партии*, которая всегда сильнее *ярлыка партии*. И народ тоже прекрасно это понял. Он понял, что, покуда жирондисты останутся преобладающей партией в Конвенте, никаких истинно революционных мер нельзя будет принять и что война, которую эти сибариты будут вести полегоньку, затянется без конца и в корень истощит Францию.

И по мере того как необходимость «очистить Конвент», т. е. удалить из него жирондистских вождей, становилась очевиднее, народ стал организовываться для борьбы против жирондистов и фельянов на местах - в провинциальных городах и по деревням. Выше было уже сказано, что директории департаментов¹ были большей частью проникнуты реакционным духом. Большинство директорий округов тоже принадлежало к тому же направлению. Но муниципалитеты, городские и деревенские, созданные законом 22 декабря 1789 г., были более близки к народу. Правда, что летом 1789 г., когда их назначала сама вооружавшаяся буржуазия, городские муниципалитеты в некоторых областях зверски отнеслись к крестьянским восстаниям. Но по мере того как развивалась революция, муниципалитеты, выбранные, а иногда и просто назначенные народом часто среди грохота восстания и всегда находившиеся под надзором народных обществ, принимали более революционный характер.

В Париже раньше 10 августа Совет Коммуны был буржуазно-демократического направления. Но как мы видели, в ночь на 10 августа новая, революционная Коммуна была избрана секциями². И хотя Конвент по настоянию жирондистов сменил эту Коммуну, но новая Коммуна, избранная 2 декабря 1792 г. и имевшая мэром - Паша, прокурором - Шометта и помощником прокурора - Эбера, была откровенно революционного направления.

Нет никакого сомнения, что собрание городских чиновников, облеченных такими широкими и разнообразными полномочиями, как Совет Коммуны города Парижа, хотя оно было революционного происхождения, все-таки неизбежно приняло бы мало-помалу умеренный, бюрократический характер. Но революционная деятельность парижского народа выражалась главным образом в его секциях, а в секциях революционный дух сохранился гораздо дольше. Впрочем, и секции тоже, по мере того как они присвоили себе полицейские обязанности (право выдавать аттестаты гражданства - *cartes civiques*, свидетельствующие, что такой-то гражданин не конспиратор-роялист; выбор волонтеров, отправлявшихся сражаться в Вандее против восставших крестьян, и т. п.), а тем более с тех пор как Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности постарались обратить секции в *свои* полицейские органы, - секции тоже со временем обращались понемногу в бюрократические учреждения; так что в 1794 г. некоторые из них были уже центрами объединения для реакционной буржуазии. Но в 1793 г. секции еще были в руках народа и оставались вполне революционными. Притом рядом с Коммуной и ее секциями возникла целая сеть народных и братских обществ, а также образовались революционные комитеты, которые в течение II года республики (1793–1794) были еще центрами революционного действия.

Все эти группировки объединялись между собой либо для определенных временных целей, либо для настоящего совместного действия; и они вступали в переписку с 40 тыс. коммунами и секциями по всей Франции. С этой целью было даже организовано особое «бюро корреспонденции». Таким образом создавалась совершенно новая, добровольная организация. И когда мы изучаем эти группировки - эти «вольные соглашения», мы видим в них то, что теперь проповедуется во Франции анархистами, не подозревающими, что их деды уже практиковали подобные соглашения в такую трагическую минуту, как первые месяцы 1793 г.³

Большая часть историков, сочувствующих революции, когда они доходят до трагической борьбы, завязавшейся между Горой и Жирондой, останавливаются слишком долго, по моему мнению,

¹ Они соответствовали приблизительно нашим губернским земским управам; директории же округов соответствовали уездным земским управам.

² Совет Коммуны, или ее Генеральный совет, постоянно назывался в документах того времени просто «Коммуна».

³ Мортимер Терно, хотя и крайний реакционер, но изучавший документы Коммуны и секций, указал уже на эту двойную организацию (см.: *Ternaux M. L'histoire de la Terreur*, v. 1–8. Paris, 1862–1889, v. 7; см. также: *Олар А. Политическая история Французской революции*. М., 1902, ч. II, гл. V; *Histoire socialiste (1789–1900) sous la direction de J. Jaures*, v. 1–10. Paris, [1901–1910], v. 4. *La Convention*, p. 1254, где есть об этом прекрасные строки.